

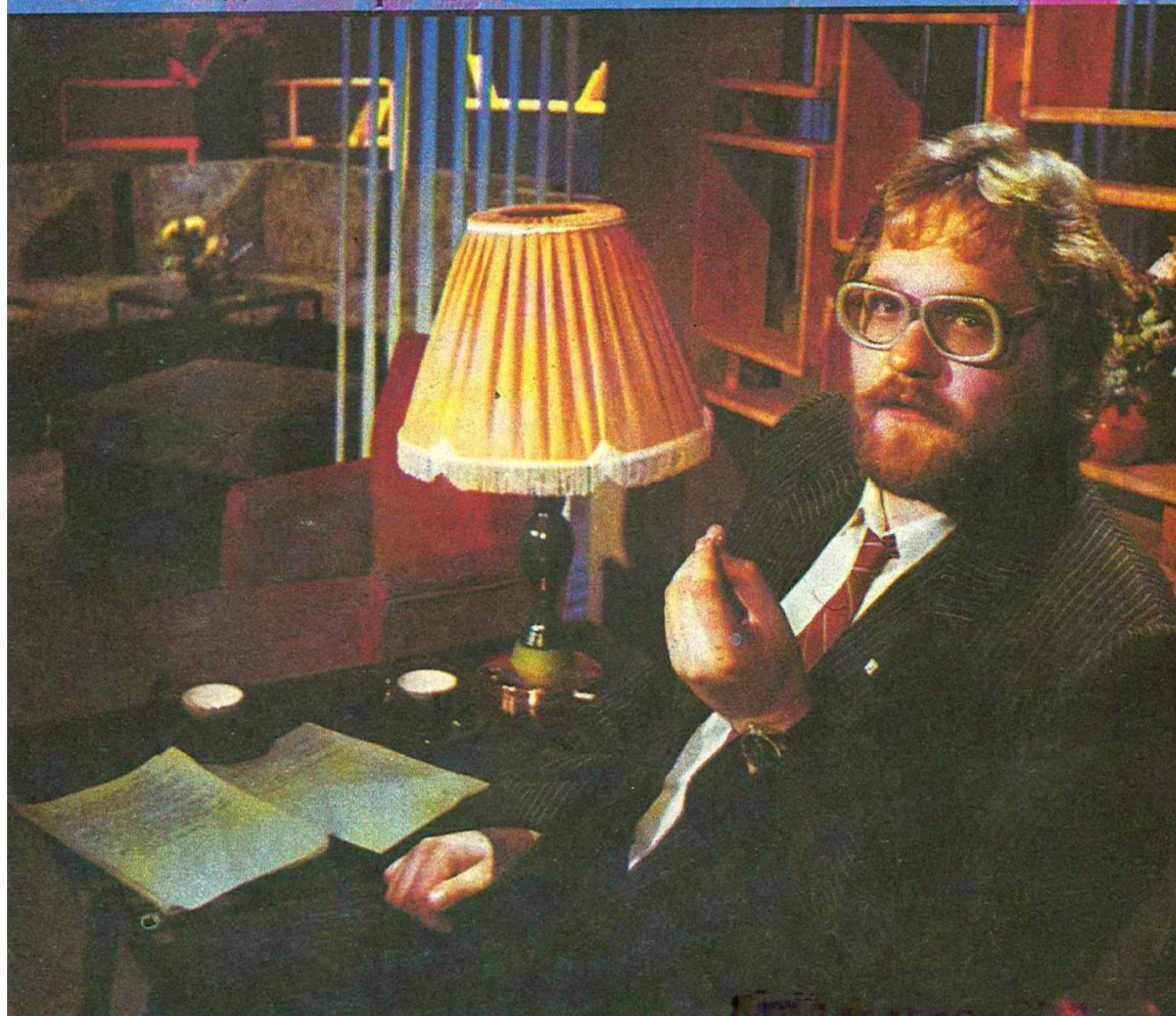
МИКРОФОН
ПЕРЕДАЧА

Журнал ЦК ВЛКСМ

ISSN 0130—2469

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

1990 январь № 2

Передача Омского телевидения «5-й канал», как принято говорить, рождена перестройкой. Что это значит для молодого тележурналиста, одного из ведущих программы, Геннадия Сулименко, читайте в номере.

В.ВЫСОЦКИЙ: ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Михаил Петрович МАРТЫНОВ,
завуч, классный руководитель
Владимира Высоцкого в 1949 году:

«ОН БЫЛ КАК ЦЫПЛЕНОК»

— Мне очень интересно вспоминать те послевоенные годы. В нашей 186-й мужской средней школе, где учился Володя, тогда сложился сильный педагогический коллектив. Это заметно влияло на качество обучения. Не последнюю роль играл и район, где располагалась школа,— близость сада и театра «Эрмитаж», недалеко — Большой и Малый театры, со многими улицами связана жизнь известных русских и советских литераторов и публицистов. Здесь можно было получить самое разностороннее «воспитание» — если рядом были центры культуры, то и центры московской шпаны, а то и блатного мира тоже располагались рядом.

«КЖ»: Михаил Петрович, вы помните всех своих учеников? Если бы Высоцкий не стал тем, кем мы его сейчас все знаем — певцом, актером, лауреатом,— сохранился бы он в вашей памяти?

М.: Уверен, что Володю в любом случае я бы помнил, в основном из-за манеры поведения. Семья Высоцких тогда совсем недавно вернулась из Германии, и Володя, как мне казалось, еще не совсем освоился. Очень хорошо помню, как на переменах весь класс бегаёт, прыгает — ну, как себя обычно мальчишки в перерывах между уроками ведут, а Володя стоит рядом со мной, чуть ли не прижавшись. Тихий такой, прямо как цыпленок...

«КЖ»: Все знавшие Высоцкого обычно характеризуют его как человека очень коммуникабельного, легко сходявшегося с людьми и ориентировавшегося в любой обстановке. А тут вдруг: «как цыпленок»?

5-й «Е» класс 186-й мужской средней школы, 1949 год.

М.: Это уже потом, через какое-то время, наступило внутреннее раскрепощение, проявилась общительность, та самая, о которой теперь все вспоминают.

Но первое время он был в резком контрасте с остальными учениками — и поведением, и одеждой. И сам это чувствовал. Вспоминается такой случай. Володя одно время ходил в школу в роскошной по тем временам замшевой куртке. Кстати, из-за нее он получил прозвище среди друзей: «американец». Так вот однажды Володя, придя домой, устроил

там целый бунт — не хочу больше ее носить! Хочу как все.

Где-то в середине учебного года сложилось что-то вроде традиции — после уроков (а я проводил в стенах школы время с самого утра и, бывало, до позднего вечера) Высоцкий, Акимов и Колесов провожали меня от школы по Садовому кольцу. Когда я задерживался по каким-либо своим педагогическим делам, они по очереди заглядывали в дверь: «Михаил Петрович, а мы скоро пойдём?» Я выходил, и мы, не торопясь, шли — я в серединке, а ребята, не прерывая разговора, все время маневрировали, отпихивали друг друга, стараясь занять место рядом со мной. Разговоры велись самые разные — иногда что-то рассказывал я. Помню, все старался как-то перемежать мои речи учительскими наставлениями. А они наперебой мне говорили о каких-то деталях своей жизни, делились разными веселыми случаями. Вот так за разговорами доходили до перехода через Садовое, я прощался, и вся троица бежала обратно. Трогательное было такое общение...

«КЖ»: А стихотворное дарование Высоцкого как-нибудь проявлялось в те годы?

М.: Определенно утверждать трудно. Дело в том, что Володя, как и все ученики класса, принимал участие в создании еженедельной стенгазеты. Газета была в основном стихотворная — так вот Володя туда что-то писал. Насколько помню, это были в основном критические рифмованные реплики: тот-то вот двойки часто получает, а этот учится хорошо, но дисциплина подводит. И тому подобное.

«КЖ»: Сам Высоцкий — каким учеником он был?

М.: Ни отличником, ни двоечником он не был. Володя учился средне. Кстати, многие учителя тогда говорили, что он мог бы и лучше. Но учеба давалась ему легко, и учился он ровно. Насколько я знаю, так было во всех классах.

«КЖ»: А после того, как вы перешли работать в другую школу, сохранились у вас отношения с Высоцким?

М.: Однажды Володя, тогда уже известный актер Театра на Таганке, прислал мне пригласительные билеты на «Галилео Галилея». Билеты были в первый ряд, это был вообще второй спектакль, в котором я видел Володю. Помню, какое произвело на меня впечатление, как он выкладывался во время своей игры. А когда дали занавес... он вышел на

край сцены, под овацию поклонился, очень-очень усталый, и сказал: «Спасибо. Но сегодня спектакль не совсем обычный. Сегодня я играл для своего учителя, Михаила Петровича Мартынова, который находится в этом зале...»

Владимир Владимирович АКИМОВ:

«ВСЕ РАВНО МЫ БЫЛИ ВМЕСТЕ...»

— Говорю сразу — в более старших классах уж на кого-кого, а на цыпленка Володя был менее всего похож. Такой факт — после ухода из школы Михаила Петровича (новым классным руководителем стала Елена Сергеевна Ряжская, преподаватель биологии, школьное прозвище «морковка») учителя постарались как-то рассредоточить сложившуюся к тому времени тройку — Высоцкого, Гарика Кохановского и меня. Все дело в том, что мы — далеко не всегда в лучшую сторону — влияли на остальных одноклассников. И с уроков вместе сматывали, и вечно еще что-то такое, весьма далекое от дисциплины, придумывали. Мы были слишком независимы. И тогда меня перевели в параллельный класс. Что, впрочем,нисколько не отразилось на нашей дружбе.

«КЖ»: То есть вы все равно всегда были вместе...

Выпускной класс, 1954 год.

А.: Да, практически все свободное время. Расхаживали по улицам, разговаривали на темы увиденных фильмов, просто что-то обсуждали — умно и не очень. Любили бывать в саду «Эрмитаж». Одним из занятий было сидение на скамейках в саду и разглядывание прохожих. Если в Зеркальном театре давали оперетту, то на публику стоило посмотреть! Эдакие разодетые пары, в вечерних туалетах, все такие из себя, сначала чинно вползали в театр, а потом обратно... Довольно интересно было.

Иногда мы выбирались в другие районы — в Сокольники, в парк Горького, что, между прочим, было связано с некоторым риском — Москва условно была поделена подростками на некие сферы влияния, так что чужаку где-то в другом районе запросто могли и по шее надавать. Обычно для таких вылазок собирались компанией — в целях безопасности.

Но это так, для экзотики, потому что «Эрмитаж» мог тогда заменить целый мир. Скажем, зимой он превращался в большой каток, где по залитым аллеям, под разноцветными фонарями и гирляндами катались на коньках. Никак не возьму в толк, почему этого не делают сейчас?

«КЖ»: Владимир Владимирович, неразлучная тройка, похоже, все дела делала только вместе — и учеба, и отдых, все втроем. Даже увлечение гитарой, кажется...

А.: Нет, насчет гитары — это было иначе. Первым из нас научился играть Гарик Кохановский — у него и перенимал эту науку Володя. А мне в свое время что-то стукнуло — купил гитару, как сейчас помню, с зелеными колками, самоучитель и некоторое время терзал инструмент. Потом, когда надоело, естественно, забросил. И Володя взял ее у меня и первое время играл на ней. Куда потом делась эта гитара? Черт ее знает, наверно, Володя купил другую, получше, а эту выбросил. Все равно в ней не было никаких красот или достоинств, кроме этих дурацких зеленых колков.

Это по поводу гитары. Зато литературные труды — тут совместная работа была. К восьмому классу относится наш с Володей приключенческий шедевр — роман «Аппарат П», то есть «испепеляющие лучи». Куда он потом делся, тоже не представляю.

Начало там было замечательное — дочь профессора, изобретателя «испепеляющих лучей», приезжает на виллу под Парижем и по безжизненной руке,

свесившейся из окна, понимает, что с папашей чево-то не того. Так и есть, папашу «уконтрапутили», аппарат похищен. Это хорошо запомнилось, потому что деталью с рукой мы очень гордились.

Вот вам наш опыт совместного литературного творчества.

А если серьезно... Жизнь, вернее, интерес к ней был такой, что просто разрывал нас на части. А Володя был одним из главных генераторов всевозможных идей.

* * *

25 января 1990 года Владимиру Семеновичу Высоцкому исполнилось бы 52 года... В июле исполнится десять лет со дня его смерти.

Я снова воспользуюсь чужими словами — строками Юрия Лозы:

«И где найти теперь слова, чтоб были так же хороши. Разве возраст сорок два? Мог бы жить да жить...»

Мы все его помним. Как певца, как актера, как ученика — все по-разному. Каждый помнит своего Высоцкого. И будем помнить...

Дмитрий ОРЛОВ.

ПИСЬМА ИЗ ШКОЛЫ

Напишите коммунары!

В журнале (№ 13—14) я прочитала материалы «круглого стола» под названием «Ищите дело!». Там часто упоминаются «коммунарская методика», «коммунарский сбор». Меня это заинтересовало, хотелось попробовать сделать что-то подобное у себя в школе.

Я живу в городе Урае, работаю секретарем комитета комсомола в школе старшеклассников. Что это такое, спросите вы? Шесть школ нашего города — экспериментальные, разбиты на три ступени, наша — старшая.

Мне сейчас трудно разобраться, как действовать в такой школе, когда ученики могут выбирать нужное для себя отделение — академическое, реальное, профессиональное, где они могут разбиться на группы по углубленному изучению предметов, где нет ни обычных классов, ни классных руководителей. Все по-другому. И в комсомольской работе хочется сделать все по-новому.